

В. Н. АВТОКРАТОВ

**„Речь Ивана Грозного 1550 года“ как политический
памфлет конца XVII века**

I

Конец XVII века — один из переломных моментов в истории нашей страны. Это было время укрепления феодально-абсолютистской монархии, период начала прогрессивных преобразований Петра I.

Для характеристики и детального изучения этой яркой и насыщенной событиями эпохи наука располагает значительным количеством различных источников по истории социально-экономических отношений, по истории внутренней и внешней политики Русского государства. Известен и ряд исторических памятников, характеризующих развитие общественной мысли конца XVII—начала XVIII века. Источники такого рода, в частности, освещают отношение современников к личности Петра I и его борьбе за преобразование страны и „укрепление национального государства помещиков и торговцев“.¹

В числе таких письменных памятников нам известны записки современников — Желябужского,² Куракина,³ Неплюева⁴ и др., а также публицистические сочинения Посошкова,⁵ Салтыкова, Курбатова.⁶ Авторы этих произведений — представители прогрессивных слоев русского общества — положительно относились к петровским преобразованиям и сами активно участвовали в них. Ряд исследователей подверг глубокому изучению этот материал, уже прочно вошедший в научный оборот.

Хуже обстоит дело с изучением сочинений политических противников Петра I.

Представители антипетровского лагеря класса феодалов не имели возможности открыто распространять свои взгляды, но тем не менее в своей политической борьбе и они пользовались средствами письменной агитации. К числу памятников такого рода относятся так называемые „обличительные тетради“ старца Авраамия, опубликованные

¹ И. В. Сталин, Сочинения, т. 13, стр. 105.

² Записки Желябужского с 1682 г. по 2 июля 1709 г. ИРА, СПб., 1840.

³ Архив кн. Ф. А. Куракина, кн. 1. СПб., 1890.

⁴ Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693—1773). СПб., 1893.

⁵ Библиографию изданий сочинений Посошкова и литературы о нем см. в кн.: Б. Б. Кафенгауз. И. Т. Посошков, жизнь и деятельность. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 163—166.

⁶ См.: Н. П. Павлов-Сильванский. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897.

недавно Н. А. Баклановой,¹ а также „речь“ Ивана Грозного 1550 года, до сих пор не рассматривавшаяся еще как памятник русской публицистики конца XVII века.

Правда, историки давно уже обратили внимание на этот красочный рассказ, помещенный в составе одного, так называемого Хрущевского списка Степенной книги и образно рисующий торжественный момент самого приступа к реформам в середине XVI века. В этом рассказе изображается молодой царь Иван IV, обращающийся с Лобного места к собравшим на Красную площадь со всего государства людям „всякого чина“ с речью, в которой он слезно умоляет их оставить вражду между собой, кается в своем блюм легкомыслии и обещает впредь наказывать неправедных лихоимцев и сребролюбцев, расхищающих казну и отягощающих своей алчностью народ. Затем царь жалуется чином человека незнатного — А. Адашева, поручая ему принимать и разбирать челобитные „у бедных и обидимых“.

Эта речь была известна в исторической литературе уже в начале прошлого века, но некритически признавалась, с отдельными оговорками, за подлинный документ, „ярко освещающий“ историю Земского собора 1550 года. На такой позиции стоял впервые издавший этот памятник Н. М. Карамзин.² В 1819 году „речь“ Грозного была вновь издана — во II томе „Собрания государственных грамот и договоров“.³ Так „речь“ на Лобном месте была в начале XIX века введена в научный оборот. Целый ряд русских историков использовал ее в своих работах, посвященных времени Ивана IV.⁴

В. О. Ключевский⁵ был первым, кто внес элемент критического подхода в изучение „речи“. Отметив в памятнике целый ряд несообразностей и анахронизмов, он отказался признать его достоверным источником, однако не решился подвергнуть документ всесторонней и глубокой критике.

Н. П. Лихачев⁶ в конце прошлого столетия все еще признавал имеющиеся в памятнике ошибки следствием позднейших „искажений“ переписчиков. Впервые обнаружил подделку „речи“ С. Ф. Платонов,⁷ который указал, правда, в несколько неуверенном тоне, на факт фальсификации. Окончательное решение вопроса о подделке памятника он передавал на суд „специалистов-палеографов“.

Специально этими вопросами занялся П. Г. Васенко. В 1903 году он опубликовал статью „Хрущевский список Степенной книги и известие о Земском соборе 1550 года“.⁸ П. Г. Васенко попытался произвести палеографический анализ памятника, описал содержание сборника,

¹ Н. А. Бакланова. „Тетради“ старца Авраамия. Истор. архив, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 131—155.

² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII. СПб., 1892, стр. 65—66.

³ СГГид, т. II, № 37.

⁴ См.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. II, т. VI. Изд. 2-е, Изд. „Общественная польза“; К. А. Аксаков. Полное собрание сочинений, т. 1, Сочинения исторические. М., 1889, стр. 147; К. Бестужев-Рюмин. Русская история, т. II, вып. I. СПб., 1885, стр. 215—216.

⁵ В. О. Ключевский. Первый сборник статей. Пгр., 1918 (на обложке: 1919), стр. 378—380.

⁶ Н. П. Лихачев. Происхождение А. Ф. Адашева, любимца Ивана Грозного. Истор. вестник, 1890, май, стр. 382.

⁷ С. Ф. Платонов. Речи Грозного на Земском соборе 1550 года. Сочинения, т. 1, Статьи по русской истории. Изд. 2-е, СПб., 1912, стр. 201—205.

⁸ П. Г. Васенко. Хрущевский список Степенной книги и известие о Земском соборе 1550 года. ЖМНП, 1903, апрель, стр. 386—400.

в котором находится Хрущевский список Степенной книги, и очень кратко остановился на вопросе об источниках фальсификации. К заслугам этого автора следует отнести обнаружение в тексте Хрущевского списка Степенной книги, помимо „речи“ Ивана IV, другой фальсификации — подделанного известия о посылке некоего Ивана Андреевича Чевкина-Дурного в составе свиты великой княгини Елены Ивановны в Литву (конец XV века). П. Г. Васенко попытался найти и автора вставок. Он указал на семейство Колтовских как на среду, из которой, вероятнее всего, мог выйти автор фальсификации.

В целом небольшие этюды С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко ярко иллюстрируют порочность формального буржуазного источниковедения. Если С. Ф. Платонов ограничился только указанием на существование подделки речи Ивана IV (да и то в предположительной форме), то П. Г. Васенко искусственно объяснил фальсификацию генеалогическими мотивами. Методологическая слабость С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко сделала их выводы недостаточно убедительными. Тем самым и факт подделки для многих исследователей оставался не доказанным до наших дней.¹

Некоторые советские историки, не отвергая выводов С. Ф. Платонова и П. Г. Васенко о подложности „речи“, не считают возможным, однако, согласиться с их определением времени возникновения фальсификации. Как известно, С. Ф. Платонов полагал, что подделка совершена „не раньше, как во второй половине или даже в последних десятилетиях XVII века“ и не позднее 1740—1742 годов.² П. Г. Васенко относил вставки „к исходу XVII столетия“.³

В одной из своих ранних работ С. В. Бахрушин пытался связать фальсификацию со временем городских восстаний 1648 года.⁴ Однако этот автор не проделал палеографического анализа рукописи и руководствовался только общими гипотетическими построениями.

Наконец, недавно С. О. Шмидт выдвинул новое предположение о времени составления „речи“ Ивана IV. „Окончательная редакция“ этого документа датируется С. О. Шмидтом 30-ми годами XVIII века и связывается с политической борьбой в среде господствующего класса в период „бироновщины“.⁵ Однако С. О. Шмидт не проделал специального источниковедческого и палеографического анализа, который совершенно необходим для правильной датировки подделки.

В целом мы можем констатировать, что даже те исследователи, которые признавали подложность этого оригинального памятника, все же не рассматривали его как публицистическое произведение древнерусской литературы.

¹ „Речь“ Ивана IV некритически использована в ряде работ советских исследователей; Н. И. Шатагин. Русское государство в первой половине XVI в. Свердловск, 1940, стр. 105; П. В. Сытин. 1) О старой и новой Москве. Детгиз, М.—Л., 1947, стр. 29; 2) Из истории Московских улиц. Изд. 2-е, М., 1952, стр. 40; С. Юшков. 1) К вопросу о политических формах русского феодального государства до XIX века. Вопросы истории, 1950, № 1, стр. 85; 2) К вопросу о сословно-представительной монархии в России. Советское государство и право, 1950, № 10, стр. 46.

² С. Ф. Платонов. Речи Грозного... стр. 204.

³ П. Г. Васенко. Хрущевский список Степенной книги... стр. 400.

⁴ С. В. Бахрушин. Московское восстание 1648 г. Научные труды, т. II, изд. АН СССР, М., 1954, стр. 80.

⁵ С. О. Шмидт. Челобитенный приказ в середине XVI столетия. Изв. АН СССР, серия истории и философии, т. VII, № 5, 1950, стр. 446, примеч. 10.

* * *

Сборник, в котором находится Хрущевский список Степенной книги,¹ содержит в себе 798 листов листов in folio, сброшированных в несколько десятков тетрадей, пронумерованных славянской цифирью. На некоторых чистых листах сборника имеются пометы и надписи разными почерками, изучение которых помогает нам сделать важные выводы. Так, на первом непронумерованном листе сборника мы находим надпись: „Царя Ивана Васильевича. Начало царству его в тетради 65-й, 16 (грани, — А. В.), глава 7-я“. Надпись эта отсылает читателя к 65-й тетради (которая начинается с л. 520) и к главе 7. Глава 7, однако, начинается несколько ранее, на л. 517 об. Следовательно, чтобы найти начало указанной главы и прочесть о начале царствования Ивана IV, читателю нужно будет последовательно перевернуть лл. 519 и 518, т. е. те самые листы, на которых помещена вставленная „речь“ царя на Лобном месте. Оказывается, что лицо, сделавшее вставку, сочло нужным и натолкнуть читателя на нее.

На л. 517 об. имеется помета „Андрея Хрущова“ (скоропись XVIII века). Это же имя мы встречаем и на внутренней стороне верхней обложки, где мы находим текст, частично зачеркнутый чернилами: „Из библиотеки Хрущова“ (скоропись XVIII века). На последнем листе сборника имеется короткая запись (XVII век): „Книга гранограф окольничего Семена Семеновича Колтовского“ (л. 798 об.); повидимому, это автограф. Итак, в конце XVII века владельцем сборника был С. С. Колтовской, а в XVIII веке (до 1740 года) он принадлежал А. Ф. Хрущеву.² Датировать вставку „речь Ивана IV“ представляется правильным не позднее чем XVII веком, так как надпись, адресуемая читателю к этому месту рукописи, судя по почерку, сделана в этом столетии. Кто-то пытался популяризировать вставленный фрагмент („речь“) и оставил к нему отсылочную справку, причем сумел это сделать достаточно тонко: читатель, пожелавший согласно этой справке ознакомиться с событиями царствования молодого „царя Ивана Васильевича“, был вынужден перелистать листы со вставленным текстом.

* * *

Детальный анализ содержания всего сборника, в котором помещена Хрущевская Степенная книга, не входит в нашу задачу. Коротко об этом писал П. Г. Васенко,³ отмечая, что первые пять листов сборника являются позднейшим механическим присоединением к основной рукописи и содержат в себе „Повесть о начале Руси“, напечатанную по другому списку А. Н. Поповым.⁴ Далее в сборнике следует сама Степенная книга (лл. 6—551), затем окончание Хронографа второй редакции (лл. 552—573), „Сказание Авраамия Палицына“⁵ (л. 574—682), а после него переводная „Повесть о создании и о пленении Тройстем“

¹ Сборник хранится в Центральном Гос. Архиве древних актов в фонде Библиотеки Московского Гос. Архива Министерства иностранных дел (ф. 181) под № 26/34.

² Андрей Хрущев — известный „конфидент“ А. П. Вольнского; был казнен вместе с последним в 1740 году.

³ П. Г. Васенко. Хрущевский список Степенной книги. . . , стр. 389.

⁴ А. Н. Попов. Изборник русских хронографов русской редакции. М., 1869, стр. 442—447.

⁵ Полное его название в рукописи: „История вкратце от начала царства блаженного царя Федора Ивановича всеа Руссии. История в память предыдущем родом“.

(о Троянской войне, лл. 682 об.—688) и еще один памятник переводной литературы — „Повесть дивна о девице Динаре-царевне, иверского царя Александра дщерь, как победи перьского царя“ (лл. 688 об.—691 об.). Заключает сборник „Казанская история“ (лл. 691 об.—797).

П. Г. Васенко, однако, не задался целью сделать какие-либо выводы из рассмотренного им состава сборника. А эти выводы напрашиваются сами. В самом деле, все памятники русского происхождения, только что упомянутые выше, не могут быть датированы ранее чем первой половиной XVII века. Таков Хронограф второй редакции,¹ таково и „Сказание Авраамия Палицына“.² „Казанская история“ помещена здесь в позднейшей редакции, появившейся не ранее конца первой четверти XVII века, как определил Г. З. Кунцевич, которому был известен наш список „Казанской истории“ и который отнес его по времени происхождения ко второй половине XVII века, а по содержанию — к так называемой восьмой, позднейшей, редакции этого памятника. На основании целого ряда наблюдений Г. З. Кунцевич высказывает вполне убедительное предположение, что наиболее ранние списки восьмой редакции уже существовали в 1640 и в 1657 годах.³

Относительно характера и датировки самого Хрущевского списка Степенной книги известны выводы П. Г. Васенко, который на основании сравнения многочисленных списков этого памятника осветил несколько этапов истории текста Степенной книги. Для нас представляется важным его замечание о том, что тот вид Степенной, к которому принадлежит Хрущевский список, мог появиться не ранее грани XVI—XVII веков.⁴

Наконец, мы можем датировать составление сборника в целом периодом правления царя Алексея Михайловича (1645—1676), так как в тексте Хрущевского списка мы находим упоминание о последнем как о здравствующем лице.⁵

* * *

Перейдем теперь к анализу вставок в Хрущевскую Степенную книгу. Всего мы находим здесь три вставки, каждая из которых имеет самостоятельное и законченное содержание. Первая по порядку вставка (на лл. 464—466) повествует о судьбе Ивана Андреевича Чевкина-Дурного, посланного, как уже отмечалось, в составе свиты дочери Ивана III, великой княжны Елены, в Литву. Вставка эта основывается на действительном показании Степенной книги о свадьбе Елены с литовским великим князем Александром, но вся история с И. А. Чевкиным представляет собой известие крайне недостоверное, изобилующее анахронизмами и многочисленными фактическими ошибками. Эта вставка перебивает в нескольких местах подлинный текст и заканчи-

¹ Датировка Хронографа второй редакции дается в трудах А. Н. Попова (Обзор хронографов русской редакции, вып. II, М., 1869, стр. 70) и С. Ф. Платонова (Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века. Изд. 2-е, СПб., 1913, стр. 82). Оба исследователя называют дату — 1616—1617 годы.

² А. Палицын окончил работу над своей „Историей вкратце“, по собственным словам, „в лето 7128-е“, т. е. в 1619—1620 годы (С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания. . . , стр. 223).

³ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб., 1905, стр. 109, 184—185 и 695.

⁴ П. Г. Васенко. Книга Степенная царского родословия и ее значение в древнерусской письменности, ч. 1. СПб., 1904, стр. 116.

⁵ ЦГАДА, ф. 181, дело № 26/34, л. 30—30 об. В дальнейшем в скобках указываются только номера листов этого сборника.

вается известием о награждении сына И. А. Чевкина-Дурного Михаила волостью „в Кашире“, после того как сам Чевкин погиб в Литве.

Вторая вставка (на лл. 469—470) заключает в себе подлинный текст Степенной книги, перемещенной по причинам, о которых будет сказано ниже, из одного места в другое.

Третью вставку (на лл. 518—519) составляет знаменитая „речь“ Ивана IV.

Вопрос о датировке всех трех вставок решается прежде всего на основании палеографического анализа, данные которого должны быть сопоставлены и сверены с материалом изучения их содержания. Изучая текст первой вставки, нетрудно заметить, что в Хрущевском списке Степенной книги отсутствует на обычном месте целиком глава 24 — „Наречение на государство великого князя Василия и о взятии Угрич и Гогоulich“, ¹ которая всегда помещается в списках Степенной книги после рассказа о нападении короля Яна-Альбрехта на волошские земли. Однако глава 24, содержащая сведения о примирении в 7007 (1499) году Ивана III со своим сыном (будущим Василием III), а также известие о походе на Югорскую землю, все же имеется в нашей книге. Она перемещена только в другое место и находится во второй вставке (на лл. 469—470). Чтобы сохранить хронологическую последовательность событий, была изменена и дата, которой открывается глава 24: вместо 7007 года указывается год 7011 (1503) (л. 469 об.).

Как эта вставка, так и последующая за ней (лл. 518—519) сделаны за счет удаления последнего листа каждой тетради. Последняя вставка и содержит „речь“ Ивана Грозного на Лобном месте в 1550 году (лл. 518—519).

Установлено, что на всех вставленных листах в громадном количестве случаев повторяются характерные начертания букв и одни и те же орфографические приемы их употребления в тексте. Из значительного количества примеров, которые можно было бы здесь привести, укажем лишь на написание буквы „и“. На всех без исключения вставках в Хрущевский список Степенной книги широко употребляется десятиричное „i“ с запятой вместо точки над мачтой. Такое изображение этой буквы относится исключительно к союзу „и“, ² а также к ее употреблению в качестве первой буквы имен собственных: „Иван“, ³ „Ияков“, ⁴ „Иосиф“ и т. д. В то же время основной текст Хрущевской Степенной книги либо вовсе не знает такого написания „и“, либо знает ее в написании киноварью или вообще заглавных, жирно выписанных букв (лл. 463 об., 467, 467 об.). Десятиричное „i“ с двумя точками употребляется на вставленных листах исключительно в составе многобуквенных слов. Имеющиеся немногочисленные отклонения от этого

¹ Ср.: ПСРА, т. XXI, ч. 2, стр. 571—572.

² В значении союза очень редко употребляются восьмиричное „и“ и десятиричное „i“ с двумя точками (лл. 466, 569 об. и 519 об.). Во всех случаях такие графические начертания падают только на те места текста вставных листов, которые дословно повторяют текст Степенной книги.

³ Также производные от этого слова: „Ивановича“ и пр. Интересно, что издатели СГГид заметили эту особенность употребления десятиричного „i“ в тексте „речи“ Ивана Грозного на Лобном месте и, сделав редакторскую вставку в начале памятника (имя и титул Ивана IV), напечатали слово „Иван“ через десятиричное „i“ хотя в других документах СГГид это же слово передано через восьмиричное „и“.

⁴ Написание „Ияков“, т. е. через десятиричное „i“ с двумя запятыми над мачтой, встречается в начале фразы на местах вставочных листов, точно воспроизводящих текст Степенной книги (л. 466 об.).

правила падают только на те места, где на листах-вставках точно повторяется подлинный текст Степенной книги. Количество подобных наблюдений, говорящих об общности орфографических приемов писца всех вставленных листов, можно было бы увеличить.

Изучение почерка вставок в целом позволяет утверждать, что нельзя привести примера такого графического изображения какой-либо буквы на одном из вставных листов, какого нельзя было встретить на других вставных листах.¹

Другое наблюдение касается водяных знаков. Еще С. Ф. Платонов указал на имеющуюся на листах-вставках филигрань „голова шута“, столь широко распространенную в различных вариантах на Руси в 80-е годы XVII века. Этот знак оказывается почти полностью тождественным знаку № 3540 по Н. П. Лихачеву, который им датируется 1680 годом.²

Следовательно, идентичность почерков и указанных приемов орфографии текста вставок говорят о том, что техническим исполнителем всех вставок было одно лицо. Учтя датировку — 1680-е годы (водяной знак), — мы должны признать эти годы наиболее вероятным временем вставок.

II

Вопрос об авторе вставок в Хрущевский список Степенной книги решается, казалось бы, тем указанием, которое мы встречаем в „Родословном сборнике“ В. В. Руммеля и В. В. Голубцова. Здесь, в разделе, посвященном роду Хрущевых, упоминается (под № 9) некто Лука Иванович, о котором сказано, что в 1543 году он был воеводой в Чернигове, в 1544 году — четвертым воеводой в казанском походе, в 1550 году участвовал третьим воеводой в полоцком походе, а в 1547 году записал речь Иоанна Грозного, произнесенную им с Лобного места к народу, которая оканчивается обращением к Адашеву: „Алексий, взял я тебя из нищих“.³

Однако в данных этого сборника о Л. И. Хрущеве имеется ряд несообразностей. Во-первых, почему-то Лука Иванович упомянут в нем дважды. Сначала он указан в качестве восьмого сына основателя рода Ивана Ивановича Хруща, якобы выехавшего из Польши на Русь в 1493 году. Здесь о нем сообщаются сведения, приведенные нами выше. Вторичное упоминание о нем находим после поколенной росписи двух других „родов“ Хрущевых-однофамильцев под рубрикой: „В роспись не вошли“.⁴ Биографические данные о Л. И. Хрущеве, помещенные под этой рубрикой, повторяют то, что сказано было о восьмом сыне Ивана Хруща, за исключением лишь известия о записи им „речи“ царя, и пополняются новым материалом: „2-й воевода в Чернигове

¹ Исключение составляет однажды встречающееся написание буквы „д“ с острым хвостом вниз (в слове „последи“, л. 466). Однако это следует отнести за счет механического перенесения графики подлинного текста на вставленный лист. В подлинном тексте соседних листов встречается подобное начертание буквы „д“ в ряде слов: „воевода“, „древяной“, „одолеша“, „сиде“, „Андрей“ (лл. 463—467). Обыкновенное же начертание этой буквы на вставках похоже на обыкновенную современную печатную букву „д“.

² Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. II, СПб., 1899, стр. 414; ч. III, СПб., 1899, табл. CCCCLXVII.

³ В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. II, СПб., 1887, стр. 613.

⁴ Там же, стр. 642.

(1580—81); гонец в Польшу (1582); 2-й воевода передового полка на Дону (1585); 2-й воевода сторожевого полка в Ливнах (1586); 2-й воевода в Брянске (1590)". Получается, что Лука Хрущев исполнял должность гонца в 1582 году, будучи уже в весьма почтенном возрасте, когда ему никак не могло быть менее 60 лет.

Известно, что В. В. Руммель и В. В. Голубцов пользовались при составлении своего „Родословного сборника“ материалами русского генеалога конца XVIII века М. Г. Спиридова. В частности, все сведения о Л. И. Хрущеве несомненно заимствованы ими из рукописи М. Г. Спиридова, хранящейся в рукописном отделе Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Единственно, о чем не сообщает М. Г. Спиридов, это о том же сомнительном случае записи „речи“ Ивана IV Лукой Хрущевым.¹

Однако и те сведения, которые заимствованы В. В. Руммелем и В. В. Голубцовым у этого автора, не могут быть признаны верными. М. Г. Спиридов использовал в своей работе ряд недоброкачественных документов. Так, например, он использовал фальшивые разрядные записи, из которых и почерпнул известия об участии Л. И. Хрущева в походах на Казань 1544 года и под Полодк 1550 года, которых на самом деле не было вовсе.² Не был Лука Хрущев и вторым воеводой в Чернигове в 1543 году, это известие также извлечено из фальшивой разрядной книги.³ Вслед за М. Г. Спиридовым авторы „Родословного сборника“ показали брата Луки — Еремея „завоеводчиком“ в Ливонском (по Спиридову — „в Колыванском“) походе 1540 года, который также является вымышленным.

Возникает сильное сомнение в реальном существовании самого Л. И. Хрущева. Если сведения о нем до 1550 года извлечены из вымышленных разрядов, то последующие известия о его службе, которые мы находим у М. Г. Спиридова и у авторов „Родословного сборника“, относятся к другим лицам. Так, оказывается, что в 1580—1581 годы не Л. И. Хрущев был вторым воеводой в Чернигове, а другое лицо,⁴ что не Лука Иванович, а Лукьян (т. е. Лука) Борисович Хрущев был в передовом полку на Дону в 1585 году, а в 1590 году — в Брянске.⁵

Среди многочисленных источников книги В. В. Руммеля и В. В. Голубцова были так называемые „Заметки из родословия“, напечатанные под прозрачными инициалами М. Н. Х. (т. е. М. Н. Хрущев) в „Русской старине“.⁶ Автор „Заметок“ указывает одного из Хрущевых, не называя его имени (помещенного у него под № 1), и дает ему следующую характеристику: „Хрущев, летописец 1547, записавший речь Ивана Грозного при назначении Адашева окольничим, служил при дворе“.

¹ М. Г. Спиридов. Записки о старинных службах русских благородных родов (в 15 частях). Рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр: F. IV. 61. О Хрущевых см.: ч. 2, стр. 107 и сл.

² Об этой работе М. Г. Спиридова см.: Л. М. Савелов. Лекции по русской генеалогии, 2-е полугодие. М., 1909 (год на титульном листе не указан), стр. 107 и сл.

³ Вымышленный поход 7041 года. ГИМ, Рукописный отдел, Увар. № 898 (197), л. 13. Почему М. Г. Спиридов перенес воеводство Л. И. Хрущева в Чернигове на десять лет позднее (7041—1533 год), остается пока неизвестным. Указанный факт сообщен нам А. А. Зиминим, за что пользуемся случаем изъяснить ему свою глубокую признательность.

⁴ ДРВ, изд. 2-е, ч. XIV, стр. 399—400.

⁵ Сибирский сборник, часть историческая, т. 1, стр. 89. — ДРВ, изд. 2-е, ч. XIV, стр. 470—471. ЦГАДА, ф. 181, д. 125/173, л. 205.

⁶ „Заметки из родословия“ составляют первую часть небольшой статьи „Хрущовы“ (Русская старина, 1883, апрель, стр. 472).

Нет ничего удивительного, что В. В. Руммель и В. В. Голубцов, вообще относившиеся неразборчиво к качеству используемого ими исторического материала, включили эту характеристику в свою работу. Но автор „Заметок“ не имел в своем распоряжении документов XVI века. Он сам говорит о том, что материалом для древнейшей части родословия послужили „фамильные предания“ — категория источников вообще весьма сомнительного характера.

Первыми достоверными для автора представителями его рода являются братья:

- „2. { Александр — боярин и посол в Польшу в 1584 г. и в Крым в 1603 г.
- { Петр — посол к донским казакам 1603 г.
- „3. Лукиан Петрович или Александрович“.¹

Таким образом, автор „Заметок“ не знает, чьим же сыном был Лукиан Петрович, известный нам по родословной росписи,² в которой прямо указывается: „У Петра Ивановича сын Лука, прозвище Казарин, написан во Дворовой же книге“.³ Ясно, что с родословной росписью своих предков М. Н. Хрущев знаком не был.

„Фамильные предания“ относительно некоего Хрущева, записавшего „речь“ Ивана Грозного, находят в свою очередь вполне удовлетворительное объяснение. Опубликование в начале XIX века памятника Н. М. Карамзиным и в Собрании государственных грамот и договоров и факт былой принадлежности данной Степенной книги Хрущевым натолкнули представителей этой дворянской фамилии на желание связать происхождение памятника со своими, хотя бы и вымышленными, предками, отчего и получили хождение в кругу семьи Хрущевых подобные „фамильные предания“ (эта мысль подтверждается тем фактом, что Адашев был произведен в окольные лишь в конце 1553 года, а не в 1547 году).⁴

В. В. Руммелю и В. В. Голубцову оставалось только связать запись „речи“ с определенным именем — с Л. И. Хрущевым, который, как они полагали, следуя за М. Г. Спиридовым, жил как раз в середине XVI века. Весьма возможно, что В. В. Руммель и В. В. Голубцов сами сильно сомневались в подлинности сведений о Луке Ивановиче. Этим может быть объяснено помещение ими сведений о нем в двух различных местах своего труда. Версию о составлении „речи“ одним из позднейших Хрущевых, выдвигаемую С. О. Шмидтом,⁵ по мнению которого окончательная редакция „речи“ Ивана IV относится к 1730-м годам, приходится также отвергнуть, в силу того, что вставки в текст сборника сделаны были еще в конце XVII века. Сам сборник, принадлежавший в XVII веке окольному С. С. Колтовскому, попал в собственность Хрущевых позднее, очевидно в составе приданого жены

¹ Там же.

² Родословная роспись Хрущевых известна нам по копии XVIII века, хранящейся в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Q. IV. 735). Начало росписи отсутствует, текст открывается словами: „Яков бездетен, 4 — Епифаний, прозвище Шарап, бездетен, написан во Дворовой книге...“. Под текстом росписи имеется надпись, удостоверяющая, что данная копия снята с подлинного документа, поданного в Разряд 16 марта 1686 года думным дворянином Федором Меньшим Григорьевичем Хрущевым. См. об этом: Отчет Публичной библиотеки за 1896 год. СПб., 1900, стр. 87.

³ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подготовил к печати А. А. Зимин. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 165.

⁴ ДРВ, изд. 2-е, ч. XX, стр. 40.

⁵ С. О. Ш м и д т, ук. соч.

А. Ф. Хрущева, женатого на внучке С. С. Колтовского Анне Александровне.¹

* * *

Наш вывод о предполагаемом авторе вставок получает серьезные обоснования при анализе их содержания. Разбирая содержание вставки об И. А. Чевкине-Дурного, можно убедиться, что она отражает интересы не дворянской фамилии Хрущевых, а Колтовских. Действительно, эта вставка содержит, наряду с подлинным рассказом о сватовстве литовского великого князя Александра за дочь Ивана III Елену и о последующей затем свадьбе, и поддельные фрагменты,² говорящие о дворянине Иване Андреевиче Чевкине-Дурного, который „с товарищи“ был послан вместе с Еленой в Литву и претерпевал там всякие лишения. В конце концов он, как „и инии мнози“, умер в Литве „от нужды“ вместе с великой княгиней.

В том виде, в котором вся вставка дошла до нас, эти сведения должны служить как бы прелюдией, историческим обоснованием рассказа о том, как Иван III, узнав о смерти дочери, а с ней и И. А. Чевкина с его товарищами, щедро наградил родственников погибших членов русской свиты великой княгини и в первую очередь „Иванова сына — Чевкина Михаила — волостью в Кашире и иными различными милостями и утешаше, глагола им: «Мне вашего горше, яко дщерь свою погубил. Вам же аз мздо воздаю за смерть отцов ваших и матерей, и дядей, и братьи»“ (л. 466 об.). Следовательно, обоснование прав потомства И. А. Чевкина-Дурного на земельные владения в Каширском уезде было одной из целей этой фальсификации. Но, конечно, и вообще „прославление“ рода имелось в виду поддельщиками. Колтовские же и были тем дворянским родом, который вел свое происхождение от Михаила Ивановича Чевкина, упомянутого во вставке.³ Однако на проверку это оказывается обычной генеалогической легендой.

Летописные памятники не знают никакого И. А. Чевкина-Дурного, который бы сопровождал великую княгиню Елену в Вильно, а тем паче оставался там в составе ее русской свиты; между тем и Воскресенская летопись и „Владимирский летописец“ указывают состав посольства и провожавших лиц.⁴ Поданная 25 июня 1686 года в Разрядный приказ Дмитрием Колтовским родословная роспись не знает ни гибели И. А. Чевкина в Литве, ни щедрого пожалования его сына Михаила волостью в Каширском уезде. Однако в ней все же указывается, что И. А. Чевкин был „дан в Литву в приданые“, а сын его Михаил будто бы „служил Шемячичу, был в Стародубе и на поместье приехал к великому князю рязанскому“. Только после этого Михаил Иванович, согласно данному документу, „стал слыть Колтовской“.⁵

¹ В. В. Руммель и В. В. Голубцов, ук. соч., т. I, стр. 624. Хрущевы и Колтовские имели многочисленные и близко расположенные поместья и вотчины в Каширском уезде. См.: Реестр по г. Кашире писцовым, межевым и переписным книгам Поместного приказа № 322 (ЦГАДА).

² Вопрос о подложности этих сведений, на наш взгляд, вполне обстоятельно доказан П. Г. Васенко в цитированной нами работе „Хрущевский список Степенной книги...“.

³ ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ. Столбцы родословных росписей, № 18 (подана 25 июня 1686 г.) и № 46 (подана 20 мая 1686 г.).

⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 229. — Истор. зап., кн. 15, стр. 290—291. См. также: Сборник РИО, т. XXXV, стр. 163—164.

⁵ ЦГАДА, ф. 210, Разрядный приказ, Столбцы родословных росписей, № 18, л. 1.

Однако на деле происхождение Колтовских не связано с И. А. Чевкиным-Дурного. Фамилия Колтовских более раннего происхождения, чем это предполагали ее представители, подавая в 1686 году свои родословные записи в Разряд. Так, летописям известен некто Федор Колтовский уже в 1492 году.¹

М. И. Колтовский для середины XVI века — лицо вполне достоверно существовавшее. Он записан в „Дворовую тетрадь“ 50-х годов XVI века по Коломне и, вполне возможно, как многие прочие коломенцы, был связан с Каширой.²

Одна из родословных записей конца XVI века указывает, что Михаил Иванович „служил у Шемятича, а ныне живет в Стародубе на поместье“. Так опровергается известие родословной росписи Колтовских о службе Михаила Ивановича рязанскому великому князю (Рязань была присоединена к Москве в 1517 году) и подтверждается его служба Василию Шемячичу, так как перед нами свидетельство современника („ныне живет“).

Однако предание об отдаче И. А. Чевкина „в приданые“ повторяется в этой росписи: „У Ондreja у Кузмина дети: Иван — пошел в Литву с великою княжною да Левонтий — на поместье в Новгороде“.³

Таким образом, предание о посылке И. А. Чевкина в Литву восходит к устной традиции XVI века и имеет, следовательно, серьезные основания, хотя ясно, что Колтовские с И. А. Чевкиным ничего общего не имеют.

Автор вставки в Хрущевскую Степенную книгу не указал, какой именно волостью „пожаловал“ великий князь Иван III Михаила Ивановича Чевкина, не желая тем самым выдавать себя, но имел в виду он несомненно Колтовскую волость. Колтовские определенно топонимически связывали свое имя с названием села Колтово, стоящем при реке Оке.⁴ Имеются бесспорные данные о том, что этим селом в XVII веке владели на поместных и вотчинных началах будущий окольничий Семен Семенович Колтовской и его брат Василий Семенович.⁵ Это значит, что в XVII веке у Колтовских существовали вполне реальные причины для составления ложного известия о награждении И. А. Чевкина (которого они, как мы уже знаем, считали своим предком) земельными владениями именно в Каширском уезде.

* * *

Выяснив, таким образом, цели фальсификации одной части листов Хрущевской Степенной книги (земельные притязания в Каширском уезде и несомненно цели прославления рода в целом), мы получаем

¹ ПСРЛ, т. XII, стр. 233; т. XX, 1-я половина, стр. 357.

² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь..., стр. 158, 160, 161, 163. С Коломной Колтовские были связаны и в XVII веке. Например, Я. П. Колтовской имел поместья „на Кашире да на Коломне“ (ЦГАДА, Поместный приказ, Кашира, стлб. № 25503, ч. II (старый № 117), дело № 13, л. 143).

³ См.: Рукописный отдел Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, Рум. собр. № 348, л. 150; Н. П. Лихачев. Государев родословец и род Адашевых. СПб., 1897.

⁴ Село Колтово находится в 5—6 км к западу от г. Каширы.

⁵ В 1649—1650 годах селом Колтово и рядом других поместий и угодий около него владели братья С. С. и В. С. Колтовские и их родственники-однофамильцы. В 1678 году селом Колтовым владел один из прежних владельцев А. Д. Колтовской. Поместье С. С. Колтовского находилось тогда рядом (село Тарасково). См.: ЦГАДА, Поместный приказ, Реестр по г. Кашире писцовым, межевым и переписным книгам, № 322, лл. 143 об., 144 об., 150, 150 об., 152 об., 153, 294, 357 и др.

возможность точнее поставить наиболее раннюю дату совершения подделок.

В январе 1682 года московское правительство вынесло решение об отмене местничества, были сожжены разрядные книги. Предполагалось пополнить государев родословец, составленный еще при Иване IV. Для этой цели дворянам было предложено подать в Разрядный приказ свои родословные росписи.

Колтовские, как указывалось выше, подали в 1686 году две росписи, сохранившиеся в подлинниках до настоящего времени. Скорее всего подделка в составе Хрущевской Степенной книги была совершена после 25 июня 1686 года, т. е. после того числа, когда была подана вторая родословная роспись. В противном случае (если подделка была бы совершена раньше) Колтовские, наверно, отразили бы в росписи свои генеалогические притязания, которые здесь отсутствуют.

Петровские указы (табель о рангах и пр.) положили конец рецидивам местнических споров в среде господствующего класса феодалов. Поэтому к началу XVIII века генеалогические предпосылки фальсификации отпадают. Следовательно, подделка не могла быть совершена позднее этого времени.

III

Если во вставке с пожалованием волостью сына Ивана Чевкина налицо причины подделки генеалогического, родословного порядка, то чем же является „речь“ Ивана Грозного? Никакими генеалогическими причинами объяснить ее появление нельзя. Представляет ли она собой текст, основанный на конкретных исторических источниках, или это сплошной вымысел? Необходимо выяснить цели составления „речи“, выявить ее источники, проверить ее соответствие исторической обстановке середины XVI века.

В самом деле, если существовали документы, содержание которых было в какой-то мере использовано автором вставок в Хрущевский список Степенную книгу, то „речь“ может рассматриваться как ценный источник для характеристики эпохи Ивана IV.

Выяснение источников „речи“ Грозного на Лобном месте должно идти по двум линиям. Во-первых, следует выяснить: использованы ли автором „речи“ Грозного на Лобном месте литературные и исторические памятники, известные в настоящее время науке, а если использованы, то в какой степени? Во-вторых, необходимо установить: могли ли здесь быть использованы памятники, до нас не дошедшие?

Известна запись публичных выступлений Ивана IV в 1549 году на совещании с представителями высших феодальных кругов, которое вошло в историческую литературу под наименованием „Собора примирения“.¹ В 1551 году царь снова выступал — на открытии Стоглавого собора.² П. Г. Васенко считал записи этих выступлений источником подделанной „речи“ на Лобном месте.

Выступление Ивана IV на Стоглавом соборе действительно имеет некоторые черты сходства со вставкой в Хрущевскую Степенную книгу. В целом ряде случаев мы имеем возможность указать на общность некоторых выражений обоях памятников.

¹ ПСРЛ, т. XIX, ч. 1, стр. 528—529.

² Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, главы 1—4.

Стоглав

1. Молю вас, святейшии отцы... утвердите в мя любовь, яко и в присного вам сына (гл. 2, стр. 24).
2. Зело бо желаю и радуюся, и согласую сослуживен быти с вами и вере поборник во славу святые троны (там же, стр. 24).
3. И всякого чину царска и княжеска, и боярска и всех православных христиан, иже добрыми делы просиявших (гл. 4, стр. 26).
4. Отцы наши, Макарий митрополит и вси архиепископы, и епископы (там же, стр. 27).
5. Юности моя и неведения моего, ныне же сих всех злых дел возненавидевшие и добрая и богоугодная дела возлюбим (там же, стр. 28).
6. Бояре и вельможи, вернии и любимии отцем моим... паче же себе самовластие учиниша (там же, стр. 30).
7. И прощение у них прошу за юность и неведение. И по скончании дядей моих, не по мнозе времени, и мати моя представилася... (там же).
8. И тако бояре наши, улучаше себе время, сами владеюще всем царством самовластно (там же).
9. Аз же возростох в небрежении и в наказании отца своего и матери (там же).
10. И в плен разхищение всякого священнического... чину (там же).
11. В седьмое на десять лето возраста государя (там же, стр. 36).
12. И в 19 лето возраста моего (там же, стр. 37).

„Речь“ на Лобном месте

1. а) Умысли смирить всех в любовь.
б) Молю вашу веру к богу и к нам в любовь.
2. Да будещи помощник нас в любви и поборник.
3. Собрази свое государство из городов всякого чину.
4. Советовав со отцем своим Макарием митрополитом.
5. а) Юности ради моя и пустоты.
б) Замедления ради юности моя и пустоты, и беспомощства.
6. Силнии мои бояря и вельможи о мне не радеша и самовластии быша.
7. См. №№ 5 и 6.
8. И неправд ради бояр моих. См. № 6 по Стоглаву.
9. Родители о мне не брегше.
10. И сами себе саны и чести похитиша.
11. Егда же бысть в возрасте 20 году.
12. См. № 11.

Вопрос о заимствовании содержания вставки в Хрущевскую Степенную книгу из записи выступления Грозного на Стоглаве, однако, не может быть решен только на основании продемонстрированного сходства терминологии. Есть ряд доводов, которые должны внушить осторожность при решении этой проблемы.

Во-первых, налицо лишь общность отдельных слов, а не фрагментов текста. Затем, эта общность относится лишь к характеристике отношения царя к боярству и вельможам и к самой характеристике Грозного, причем последняя во вставке явно усилена в сторону самоуничужения царя.¹ Далее, совпадения, отмеченные выше, наблюдаются иногда во фразах совершенно различного содержания (см. в таблице примеры №№ 2, 3). Кроме того, общность терминологии сопутствует не всей вставке, а только ее первой половине. Со слов „и безсудства неправедного и лихоимания, и сребролюбия“ следует совершенно оригинальный текст, заключающий в себе описание „неправд“ бояр и властей, обещание царя самому взяться за исправление пороков общества, обращение к А. Адашеву и заключение.

По-иному представлена в Стоглаве сама обстановка, в которой происходил собор. Его заседания, как известно, открылись вовсе не

¹ Ср., например; „Юности моя и неведения моего“ и „Замедления ради юности моя и пустоты, и беспомощства“ (пример № 5 в таблице).

на Красной площади, у Лобного места, а в „царских палатах“, причем точно указана и дата открытия собора: „7059, месяца февраля в 23 день“.¹ Наконец, различна сама идейная направленность вставки в Хрущевскую Степенную книгу и речей царя на Стоглаве. В Стоглаве, несмотря на ряд резких упреков, брошенных в адрес боярства, царь не угрожает им, а, наоборот, действует с ними заодно против осифлянского духовенства. В „речи“ же с Лобного места угрозы по адресу „сильных“ и вельмож звучат вполне определенным лейтмотивом.

В целом структура и содержание „речи“ являются отличными и независимыми от Стоглава. Следовательно, можно говорить лишь об использовании автором вставки в Хрущевскую Степенную книгу материала речей царя на Стоглаве.

С другим выступлением Ивана Грозного в середине XVI века — выступлением на так называемом „Соборе примирения“, запись которого дошла до нас в составе Хронографа, — „речь“ на Лобном месте не имеет ничего общего. Во-первых, здесь мы имеем дело с произведением совершенно другого характера. Хронографическая запись выступления Ивана IV в 1549 году свободна от риторики, она конкретно указывает имена бояр, участвующих в этом совещании в царских палатах (а не на Красной площади!), конкретно указаны и обиды, чинимые боярами, о которых говорил тогда Иван IV.² Царь здесь не только не грозит боярам, после того как они бьют челом о прощении своих вин, но и прямо заявляет: „По ся время сердца на вас в тех делах не держу и опалы на вас ни на кого не положу“³ (сравни с этим „Ждите воздаяния своего!“ во вставке).

Можно предположить, что автор подделки в какой-то мере использовал при составлении „речи“ подлинный текст Степенной книги. Правда, в подлинном тексте нет никакого упоминания о выступлении царя когда бы то ни было с Лобного места; но там есть рассказ о положении Русского государства в годы малолетства Ивана IV. Так, там говорится, что после смерти царицы Елены Глинской бояре и „прочие вельможи“, воспользовавшись моментом, занялись расхищением казны.⁴ „Кийждо себе различных и высочайших санов желажу, и инии ж получаху, но обаче на мало время. И нача в них быти самолюбие и неправда, и желание на восхищение чюждого имения. И воздвигоша велию крамолу между себе. И властолюбия ради друг друга коварствоваху“.⁵

Если учесть, что подделанную „речь“ Ивана IV от этих слов в Хрущевском списке отделяет буквально одна страница, то можно сделать предположение, что именно это место натолкнуло автора „речи“ на мысль о сходстве переживаемого им периода со временем малолетства Петра I. В процитированном месте встречается и упоминание о крамолах, и о захвате „чюждого имения“ и о стремлении получить

¹ Стоглав, стр. 19.

² „... До ево царсково возрасту от них и от их людей детям боярским и крестьянам чинилися силы и продажи и обиды великия в землях и в холопах и вы иных обидных делах, и оне бы вперед так не чинили, детям бы боярским и крестьянам от них и от их людей силы и продажи и обиды во всяких делах не было никоторья“ (ПСРА, т. XIX, ч. 1, стр. 528).

³ ПСРА, т. XIX, ч. 1, стр. 529.

⁴ На полях Хрущевского списка в этом месте отмечено: „Зри“ (л. 517 об.).

⁵ Цит. по тексту Хрущевской Степенной книги (лл. 517 об. — 518). Редакция текста в ПСРА (т. XXI, ч. 2, стр. 634) несколько отличается от нашего. В первом тексте, например, есть упоминание, что маленькому Ивану было в год смерти его матери 8 лет („осмому лету тогда наставшу от рождения его“), это совпадает с указанием вставки („аз остался... матери своей осми лет“).

„различные и высочайшие саны“. Однако в подлинном тексте Степенной книги, как и в Стоглаве и в Хронографе, нет ни слова об А. Адашеве, а между тем именно к нему заставил обратиться Ивана Грозного автор фальсификации. Это может навести на мысль, что в руках автора „речи“ был какой-то документ, где именно А. Адашеву приписывается руководство специальным учреждением, ведавшим разбором челобитных. На такой именно точке зрения в настоящее время стоит С. О. Шмидт. По его мнению, „вставка в Хрущевскую Степенную книгу свидетельствует о серьезных познаниях ее составителя в истории времени Ивана Грозного“; „есть основания утверждать... — пишет С. О. Шмидт, — что возглавлял его (Челобитный приказ, — А. В.) действительно... Алексей Федорович Адашев“.¹

Однако этот взгляд С. О. Шмидта вызывает возражения. Внимательный анализ сведений, сообщаемых вставкой с „речью“ в Хрущевскую Степенную книгу, позволяет нам отвергнуть мысль о том, что источниками вставки могли послужить документы XVI века, известные в конце XVII века, но не дошедшие до нас. Фактические сведения вставки не только не находят подтверждения в известных нам памятниках эпохи Ивана Грозного, но и прямо противоречат им.

Уже указывалось, что соборы XVI века никогда не происходили на Красной площади; мало того, само Лобное место в XVI веке не играло той значительной роли в общественной жизни столицы, которую оно получило впоследствии (см. об этом ниже).

Далее, речь помещена между событиями 1547 года. Ивану IV было в этом году 17 лет, а не 20-й год, как нас уверяет вставка („Егда же бысть в возрасте 20 году“). Пожалование А. Адашева в окольные приказчики произошло в 1553 году,² а не тогда, когда это утверждает памятник. Сам А. Адашев происходил не „от нищих и от самых молодых людей“, а из довольно знатного рода костромских бояр.³

Следует добавить, что сведения о выступлении Ивана IV на Лобном месте более нигде не встречаются, кроме как в единственном списке Степенной книги. Ни летопись, ни хронограф, ни разрядные записи, ни литературные источники, ни свидетельства современников ничего не говорят нам о таком исключительном событии, как созыв Земского собора на Красной площади в Москве и как публичная речь молодого царя с Лобного места.

Ясно, что и эта вставка представляет собой подделку, поскольку все ее сведения, поддающиеся проверке, противоречат действительному положению вещей в XVI веке.

Но откуда же в этой фальсификации появилось имя Алексея Адашева? Как и Стоглав, в конце XVII века была широко известна переписка Грозного с Курбским. Оба они — и царь и князь-изменник — неоднократно вспоминали в своей полемической переписке имя А. Адашева. Истинное происхождение рода Адашевых, целиком истребленного Иваном Грозным за измену, было к концу XVII века порядком позабыто, но язвительные слова о нем царя сохранились. Грозный в письмах к Курбскому называет, как известно, А. Адашева „собакой“, „батожником“, „взятым от гноища“ и т. п.⁴

¹ С. О. Шмидт, ук. соч., стр. 446.

² ДРВ, изд. 2-е, ч. XX, стр. 40.

³ См.: Н. П. Лихачев. Происхождение А. Ф. Адашева, любимца Ивана Грозного... стр. 392.

⁴ Послания Ивана Грозного. Серия „Литературные памятники“, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 36, 41 и др.

* * *

Содержание разбираемой нами „речи“ Ивана Грозного не может быть в целом возведено к историческим и литературным источникам, повествующим о соборах XVI века, но оно ярко отражает социально-политические взгляды ее автора и определенные события в общественной жизни того периода, когда памятник этот был составлен (т. е., как уже было установлено палеографически, в 80—90-е годы XVII века).

Публицистический характер содержания памятника не вызывает никаких сомнений, он лишь слегка прикрыт риторическими восклицаниями „грозного царя“. В этом можно убедиться, внимательно рассматривая содержание памятника.

Во-первых, автор вставки отмечает тяжелое положение страны. Государство, по его словам, „в велицей тузе и печали“ (л. 518 об.). Тяжелое положение страны выражается в „крамолах“, „неправдах“, „вражде“ людей между собой. Здесь же выясняются и причины этих „неправд“. На первое место ставятся личные качества царя: его молодость и неподготовленность к правлению. Те же, кому следовало бы радеть о нем, — старые и опытные советники государя — перестали заботиться о нем: „силнии мои бояря и вельможи о мне не радеша“ (л. 518 об.). Они сами сделались самовластными, корыстолюбивыми хищниками, обижали народ, разоряли и отягощали его, творили несправедный суд.

Во-вторых, в уста Ивана IV вкладывается изложение тех основных мероприятий, которые должны исправить положение. Царь, „умыслив“ прекратить вражду между подданными („смирить всех в любовь“ — л. 518 об.), советуется с духовным владыкой:¹ „Молю тя, святыи владыко, да будеши помощник нам и любви поборник“ (там же). Следовательно, церковь рассматривается как моральный руководитель и помощник мероприятий царской власти. Очевидно, по совету с духовным владыкой, царь должен притти к решению о созыве Земского собора: „собрати из городов всякого чину“ (там же).

На Земском соборе должны быть поставлены, по мнению автора, следующие вопросы, направленные на искоренение „крамол и неправд“: наказание лихоимцев и хищников, которые „сами себе саны и чести похитиша“ и „многие слезы на ся воздвигосте“ (лл. 518 об., 519), организация, в противовес существующему „несправедному“ суду, хорошего, „справедного“ суда. Этого можно достигнуть, согласно автору, очень просто: стоит только заменить старых, корыстолюбивых судей, „несправедный суд по себе“ творящих (л. 519), судьями честными, правдивыми „от бояр и вельмож“ (л. 519 об.). Наконец, по мнению автора, на Соборе должно произойти официальное привлечение к участию в управлении государством представителей дворянства, „молодых людей“. Их представителям должны быть поручены ответственные посты, они должны возводиться по заслугам в думные чины. Это явится залогом успешной работы государственного аппарата. Мысль о выдвижении на важные посты представителей широких слоев неродовитого дворянства продемонстрирована во вставке эпизодом с назначением А. Адашева „челобитные приимати у бедных и обиди-

¹ Как А. Адашев, так и Макарий для автора фальсификации только авторитет прошлого. Степенная книга называет Макария „дивным во святителех“ (л. 518 по Хрущевскому списку).

мых, и назирати их с рассмотрением“ (л. 519). В самых исключительных случаях и сам царь должен стать в роли „судии и обороны“. („разве елико чево большего дела невместно“ — л. 518) и сам должен „неправды разоряти и хищения возвращати“ (там же).

Какую же идеологию выражал автор памятника? Идеологию ли борьбы за утверждение феодально-абсолютистской монархии или идеологию борьбы за сохранение старой формы феодального строя с боярской думой и боярской аристократией?

В. И. Ленин резко разграничивал эти два понятия. Он писал: „Русское самодержавие XVII века с боярской думой и боярской аристократией не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма»“.¹

В памятнике постоянно чувствуется стремление провести параллели между временем молодого Ивана IV и молодого Петра I.

От энергичного Петра I ждут резкого поворота, но не вперед к прогрессивным преобразованиям, а назад, к привычному дедовскому укладу жизни с его медленным „непоспешанием“ вперед. Весь памятник пронизан консервативным духом. В нем сохранились элементы местнической идеологии,² поддерживается старый институт—боярская дума, выпячивается роль духовной опеки церкви над царской властью. Сама апелляция к Земскому собору—институту, также уходящему безвозвратно в прошлое,—представляет собой для условий конца XVII века явление реакционное. Однако веяния времени, событий 80—90-х годов XVII века чувствуются в „речи“ достаточно явственно, причем аспект, в котором события эти отразились, подчеркивает и то, как воспринимал их автор подделки.

Насколько же соответствует действительному положению вещей обращение фальсификатора к Земскому собору? Земские соборы во второй половине XVII века потеряли свое былое значение. В ряде случаев правительство обходится уже без их помощи. В. К. Никольский, которому принадлежат две работы по этому вопросу,³ делает вывод, что в этот период „место Земских соборов заняли односословные собрания выборных, приглашаемых на совещания по техническим вопросам“.⁴ В 80-е годы такие односословные дворянские совещания еще имели некоторое значение. Последний из таких соборов происходил в начале 1684 года и был созван „для постановления вечного миру и о союзе... с польским королем“,⁵ но вопросом о мире с Польшей ему не пришлось заниматься, так как переговоры с польскими послами были отложены на неопределенное время,⁶ а служилые люди, приехавшие в Москву, в течение двух месяцев занимались чем-то другим. С деятельностью этого собора связываются некоторые указы, проведенные в интересах дворянства: закон об упорядочивании размежевания земель⁷ и особенно указы о частичной реорганизации провинциального суда, изданные после коллективного челобитья мелких

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 308.

² „Разве елико чево большего дела невместно...“ (л. 519).

³ В. К. Никольский. 1) Земский собор о вечном мире с Польшей 1683—84 гг. Научн. труды Индустриально-педагог. инст. им. К. Либкнехта. Соц.-эконом. серия, вып. 2, М., 1928; 2) Рязанское соборное представительство при царях Алексее, Федоре и патриархах. Рязань, 1919.

⁴ В. К. Никольский. Земский собор... , стр. 49.

⁵ В. К. Никольский. Рязанское соборное представительство... , стр. 92.

⁶ Мир был заключен только в 1686 году.

⁷ ПСЗ, т. II, № 1067, 7 августа 1684 г.

феодалов — участников Собора.¹ В сопоставлении с содержанием „речи“ это обстоятельство может оказаться весьма симптоматичным, ибо автор подделки здесь пять раз употребляет слово „суд“, противопоставляя „суд неправедный“ „суду праведному“.

Нетрудно установить связь между упоминанием о доверии, оказанном А. Адашеву („челобитные приимати“) в тексте памятника, и реальной исторической обстановкой конца XVII века. В конце 1677 года Челобитный приказ был ликвидирован и дела его передали во Владимирский судный приказ. В 1683 году Челобитный приказ был снова восстановлен и существовал как самостоятельное учреждение до февраля 1685 года.² Работа последнего собора (январь—март 1684 года) падает как раз на этот промежуток времени. Очевидно, именно в Челобитный приказ подавали дворяне свои челобитья, послужившие толчком к изданию вышеупомянутых указов.³

Следует отметить то особое значение, которое занимало в XVII веке в жизни Русского государства в целом и Москвы в частности Лобное место на Красной площади. Здесь, по словам иностранного наблюдателя (Мейерберга), „совершались торжественные обряды, обнародовались царские указы и царь или боярин его обращал свое слово к народу“.⁴ Представители официальной церкви в свою очередь тоже неизменно придавали Лобному месту исключительное значение. Ежегодные торжественные богослужения, совершаемые здесь патриархами, отмечаются и Дворцовыми разрядами — своеобразной придворной летописью тех времен. И. Снигирев, исследователь вопроса о значении Лобного места, подчеркивал, что в актах „иногда оно называется царевым, без сомнения потому, что с него возвещался суд царев“.⁵ Все это объясняет, почему фальсификатор избрал Лобное место для выслушания царя с целой программой мероприятий в духе консервативных кругов феодального класса, идеалом которых была сословно-представительная монархия XVII века.

Таким образом, подделанная „речь“ Ивана Грозного предстает перед нами как произведение остро публицистическое, с несомненной реакционной сущностью.

* * *

Факт составления фальсификаций, помещенных в состав Хрущевской Степенной книги, не является каким-то необычным явлением на Руси XVI—XVII веков. Подделками документов в ту пору занимались в первую очередь в монастырских канцеляриях для обоснования прав на земельные владения, затем к подлогам стали широко прибегать и частные лица — светские феодалы.

¹ Указ об усилении судебной власти и провинциального дворянства путем возвращения в юрисдикцию его представителей — „губных старост“ и рассмотрения „разбойных, убийственных и татинных дел“ (10 марта 1684 г.) и указ о закреплении за мелкими феодалами ряда процессуальных и судебно-пошлинных преимуществ (11 ноября 1684 г.). См.: В. К. Никольский. Земский собор... , стр. 48.

² См.: С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII в. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 221—222.

³ С. О. Шмидт, следовательно, прав, когда он связывает это место в памятнике с реально существовавшим Челобитным приказом, но он ошибочно предполагает, что речь идет о „Челобитенном приказе“ середины XVI века. См.: С. О. Шмидт, ук. соч., стр. 445—446.

⁴ Цит. по кн.: И. Снигирев. Лобное место в Москве. ЧОИДР, 1861, кн. 1, стр. 3.

⁵ И. Снигирев, ук. соч., стр. 2—3.

Известны различные методы и формы составления подделок — от изготовления вымышленных подражаний статейным спискам и разрядным книгам¹ до переделки отдельных букв в подлинных документах, отчего изменялся смысл и содержание документов.²

А. Введенский, сделавший в свое время попытку собрать весь известный по этому вопросу материал,³ отмечал ряд подделок, служивших целям политической борьбы, фальсификаций, носивших характер пасквиля, политической сатиры и т. п. „Все эти подделки имеют обычно политическую заостренность“, — писал он. Автор относит к такой категории подделок „генеалогический пасквиль“ на род Сукиных, „рукопись старицы Марии, урожденной кн. Одоевской“ и др.⁴ Непонятно, почему автор не отнес к этому же типу и „речь“ Ивана Грозного на Лобном месте, а ограничился лишь кратким определением: „Эта подделка, повидимому, вышла из той среды, которая была заинтересована в продолжении практики земских соборов“.⁵ А. Введенский, упрекая С. Ф. Платонова за то, что последний, „вскрывая подделку, воздерживается, однако, от изложения мотивов подделки“,⁶ сам также не подверг памятник источниковедческому и литературоведческому анализу.

Особенный размах подделка документов получила в конце XVII века в связи с организацией Палаты родословных дел.⁷

Итак, мы выяснили, что к фальсификациям в XVI—XVII веках прибегали и для достижения узких целей возвеличивания рода, обоснования своих земельных прав, и в целях политической борьбы. Подделки в составе Хрущевской Степенной книги наглядно подтверждают оба эти положения.

* * *

Во второй половине XVII века интерес к личности и эпохе Ивана Грозного особенно возрос. В эти годы появляется большое количество списков его сочинений, летописей, исторических повестей, родословных и разрядных записей, копируются и отдельные грамоты, относящиеся к этому периоду.

Несомненно, что этот интерес, проявлявшийся в обществе к Грозному и его времени, должен быть поставлен в прямую связь с тем фактом, что целый ряд крупных подделок отнесен их авторами именно к этой эпохе — достаточно отдаленной от современников и достаточно популярной в той среде, на которую они рассчитаны. Таковы упомянутые уже нами вымышленные разрядные книги никогда не существовавших походов (Колыванского похода 1540 года и др.), упомянутый пасквиль на род Сукиных, составленный в виде родословной росписи, статейные списки вымышленных посольств Андрея Ищеина к султану Мурату (1570 год) и Захария Ивановича Сугорского к королю Макси-

¹ Впервые указал на существование вымышленных разрядных книг Н. П. Лихачев (Правительственный вестник, 1877, № 90, 26 апреля, стр. 2).

² См. любопытный пример в кн.: Н. С. Чаев и Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1946, стр. 23—24.

³ А. Введенский. Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв. Сб. „Проблемы источниковедения“, I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 98.

⁴ Там же, стр. 102—103.

⁵ Там же, стр. 102.

⁶ Там же, стр. 101, примеч. 1.

⁷ См.: Л. М. Савелов. Лекция по русской генеалогии, 2-е полугодие. М., 1909, стр. 44, 45 и др.

милиану (1576 год), и т. д.¹ Бросается в глаза и тот характерный факт, что все эти оригинальные, указанные нами произведения облечены в документальную форму, чем достигалась, по мнению авторов, бо́льшая убедительность их содержания.

Древнерусские литературные памятники этого типа мало еще изучены, но уже сейчас можно сказать, что среди подделок XVII века „речь“ Ивана Грозного с Лобного места к „людям всякого чину“ следует расценить как произведение наиболее яркое по форме и последовательно выдержанное в своем духе до конца.

* * *

Ранее мы установили, что автором вставок в Хрущевский список Степенной книги был Семен Семенович Колтовской.

Теперь нам надлежит выяснить, в какой мере идеологические устремления фальсифицированной „речи“ Ивана Грозного на Лобном месте отвечают тем историческим сведениям, которые нам известны об этом деятеле второй половины XVII века.

Разработка вопросов, связанных с историей последнего Земского собора 1684 года и со значением Лобного места в общественно-политической жизни Москвы XVII века, приобретает весьма конкретный характер в свете имеющегося у нас материала о С. С. Колтовском. Прежде всего известно, что С. С. Колтовской присутствовал на Соборе 1684 года в числе стольников.² Стольники как высший слой московского дворянства всегда присутствовали на торжественных церемониях, связанных с Лобным местом, — будь то новогодие, празднование Казанской божьей матери или вербное воскресенье. Царь Петр избегал торжественных богослужений, но все-таки, до смерти своей матери Наталии Кирилловны, вынужден был иногда присутствовать на них. Так, 23 марта 1684 года на Лобном месте появились оба царя. Патриарх раздавал им „вайя и вербы“. Это произошло менее чем через 20 дней после роспуска собора 1684 года. Стольник С. С. Колтовской почти наверно был в составе московских дворян, окружавших Лобное место и получавших вербы из рук митрополитов.³ Торжественность совершения этих обрядов отражена была и в рассматриваемой подделке: „И в день недельный изыде со кресты на Лобное место“ (л. 518 об.).

Поведение молодого Петра вызывало сильное недовольство в консервативных верхах феодального класса, значительной части духовенства и в среде приказной интеллигенции. Причиной тому были личные качества молодого царя, которого обвиняли в нарушении установившихся традиций, насмешке над обрядами православной церкви („всешутейший собор“), частых пирах, знакомстве с иноверцами и пр. Сильное недовольство возбуждала и политика нарышкинского правительства.

¹ Вымышленные статейные списки посольств Андрея Ищеина к турецкому султану Мурату (7078/1570 гг.) и князя Захария Ивановича Сугорского к королю Максимилиану (7084/1576 гг.). В кн.: Памятники древней письменности. СПб., 1883. Исследование и издание последних см. в этом же томе „Трудов“ ОДРА (Примеч. Ред.).

² Кроме С. С. Колтовского на Соборе в числе стольников присутствовал и его родственник Алексей Дмитриевич Колтовской, один из владельцев села Колотово (ЦГАДА, Портфели Миллера, ф. 199, № 130, XII, тетр. 3, л. 49).

³ Дворцовые разряды, т. IV, СПб., 1855, ст. 274. Ср. также ст. 458, 498, 562 и др.

Интереснейшие сведения об умонастроениях в 80—90-х годах указанных выше кругов дают так называемые „обличительные тетради“ старца Авраамия, содержание которых живо перекликается с установками фальсифицированной „речи“ Грозного.¹ „Обличительные тетради“, написанные в документальной форме „челобитной“, появились как результат многих разговоров, содержащих резкую критику поведения молодого царя и существующих неурядиц в государственном управлении. Разговоры эти велись в келье старца Авраамия — строителя Андреевского монастыря на Воробьевых горах, в кружке оппозиционно настроенных подьячих московских приказов. Бывали в келье у Авраамия и крестьяне подмосковного села Покровского Посошковы — Роман и его брат Иван, будущий знаменитый публицист.²

Из содержания сочинения старца Авраамия выясняется, что участников кружка возмущало то, что царь Петр I не занимался в те годы исправлением административного и судебного аппарата, где процветали взяточничество и волокита. В кружке Авраамия жаловались также на чрезмерное увеличение приказного персонала,³ критиковали нарушение Петром традиционных церемоний, его демократизм в обращении и устройство театра в подмосковном селе Измайлове.⁴ В целом ряде мест Авраамий высказывает мысли, параллельные идеям „речи“ Грозного.

Петр, по словам старца, покинул „всякое правление государства своего и приказал править похотникам, мздоимцам“. „Теперь, — говорит Авраамий, — уже впредь и добра вскоре не чают“. В государстве же вследствие этого „в настоящее время мнози тужат и гораздо болезнуют, и есть-де о чем болезновать“.⁵ Вспомним, что царь, прежде чем собрать Земский собор, тоже видел „царство свое в велицей тузе и печали“ (л. 518 об.): „И всего того не приписать, что говорят. И ни в чем путного рассмотрения не стало“. Сравни с этим „вручаю тебе челобитные примати... и назирати их с рассмотрением“ — в фальсифицированной „речи“ Ивана IV (л. 519).

Так же как автор „речи“, Авраамий признает необходимым обсуждение насущных вопросов на Земском соборе, который он предполагает составить из Освященного собора, родственников царя „и иных честных и породных, и преимуших в разуме, и допущенных до его честности или мочи, бояр и окольных, и думных людей. И о том, — добавляет Авраамий, — чаю аз, что от них ему, великому государю, челобитье и прошение было...“.⁶ Авраамий, правда, сужает круг лиц, которые должны обсуждать насущные вопросы государственного управления, он не предлагает собрать „государство из городов всякого чину“, но несомненно, что он имеет в виду совещания такого рода, которые в конце века заменили собой земские соборы. В „обличительных тетрадях“ мы также сталкиваемся с вопросами суда: „судей выбрать разум-

¹ Памятник опубликован Н. А. Баклановой, ук. соч., стр. 131—155.

² Вопрос о взаимоотношениях И. Т. Посошкова и Авраамия подробно рассмотрен в кн.: Б. Б. Кафенгауз, И. Т. Посошков, его жизнь и деятельность. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 20—36. На стр. 173—181 этой книги издано начало розыскного дела об Авраамии.

³ См.: Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 145—146.

⁴ См. показания И. Бубнова на допросе по делу Авраамия 14 января 1697 года в кн.: Б. Б. Кафенгауз, ук. соч., стр. 178.

⁵ См.: Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 145. См. также показания Н. Кривева на допросе от 9 января 1697 года в кн.: Б. Б. Кафенгауз, ук. соч., стр. 174.

⁶ См.: Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 149.

ных, и праведных, и постоянных, а непородных честью... чтоб судили праведно“.¹

Можно было бы еще продолжить сопоставление установок подделанной „речи“ и „обличительных тетрадей“ Авраамия, анализ текста которых, как устанавливает Н. В. Устюгов, приводит к выводу, что они „являются памятником борьбы с теми новшествами, которые нарушали привычные московские порядки“.² Но и сказанного уже достаточно для того, чтоб утверждать, что оба памятника близки по духу и содержанию. Они характеризуют ту внутреннюю борьбу, которая происходила в кругах господствующего класса в самом конце XVII века.

Хочется только подчеркнуть еще один небезынтесный момент. Из допроса членов кружка Авраамия выяснилось, что маневры войск в 90-х годах вызывали у них особенное негодование. Они с возмущением говорили о „потехах непотребных под Семеновском и под Кожуховым, для того что многие были биты, а иные и ограблены“.³

Дворцовые разряды донесли до нас известие, отмеченное под 1691 годом: „Нынешнего 200 году, октября в 6 день, велено окольному Семену Семеновичу Колтовскому быть в походе в селе Семеновском. И он, окольный, будучи в том походе... их государскому указу учинил непослушание многое и противность. И октября в 18 числе... самодержавцы указали: за ту его вину и ослушание честь у него окольность — отнять и написать его с городом по Лебедяни в дети боярские, чтоб на то смотря, иным его братье неповадно было так делать“.⁴ Так оборвалась служебная карьера С. С. Колтовского. Собранные нами сведения по его биографии раскрывают лицо типичного представителя феодального класса второй половины XVII века и подтверждают наш вывод о подделке им известий Хрущевской Степенной книги.

Сын незначительного дворянина,⁵ С. С. Колтовской начал свою службу в 1641 году,⁶ молодым человеком, как это повсеместно наблюдается в ту эпоху. Он участвовал, по собственным его словам, „в походах в летних и в зимних, и з бояры и воеводы во многих посылках был“.⁷

Однако, насколько это позволяют судить имеющиеся у нас в распоряжении документы, служба С. С. Колтовского была по своему характеру преимущественно придворной. „Живу я, холоп твой, при

¹ См. Н. А. Бакланова, ук. соч., стр. 152.

² Рецензию Н. В. Устюгова на VI том „Исторического архива“ см. в „Вопросах истории“ (1951, № 10, стр. 128—131).

³ См.: М. М. Богословский. Петр I. ОГИЗ, 1940, стр. 385. Один из участников кружка Авраамия подьячий Н. Кренин показал, что, будучи на потехах, от „разных чинов людей слышал такие слова, которые в тетрах написаны“ (царь „уклонился в потехи, оставя лутшее, начал творити всем печальное и плачевное...“); см. допрос от 9 января 1697 года в кн.: Б. Б. Кафенгауз, ук. соч., стр. 174.

⁴ Дворцовые разряды, т. IV, стр. 613. Первоначальная редакция этой записи, сделанная рукой боярина Т. Н. Стрешнева, предусматривала, очевидно, обычный для таких случаев вариант: „А будет он, Семен, в город (Лебедянь, — А. В.) не поедет: скажет болен — и ево вывести в телеге и, выняв ис телеги, указ великих государей сказать, каков писан выше сего“ (ЦГАДА, ф. Разрядного приказа, Московский стол, стлб. № 946, ч. 3, л. 15).

⁵ Семена Игнатьевича Колтовского. См. о нем: Дворцовые разряды, т. II, ст. 87, 416, 610, 827, 860, 865, 952.

⁶ Челобитная С. С. Колтовского, поданная в мае 1676 года с просьбой о назначении его воеводой в г. Козлов (ЦГАДА, ф. Разрядного приказа, Приказный стол, стлб. № 1431, л. 7).

⁷ Там же.

твоей государьской милости в передней“, — писал он в одной из своих челобитных в сентябре 1650 года.¹ Все 50-е годы XVII века Колтовской, будучи в московском чине стряпчего, часто упоминается „Дворцовыми разрядами“ в составе царской свиты во время так называемых „походов“ Алексея Михайловича в Троице-Сергиев монастырь и в подмосковные села.² Собственно полковой службы он никогда не нес, но в 1652—1656 годы был „во 162-м и во 163-м смоленском, во 163 же и во 164 в виленском, во 164 же в рижском походах в... государеве полку“.³

Показанный с 1661 года в стольниках,⁴ он встречается уже на торжественных церемониях (сотенный голова дворян при въезде шведских послов в 1662 году,⁵ в составе провожающих антиохийского патриарха Макария в 1668 году).⁶

Вся служебная деятельность С. С. Колтовского связана со двором: его посылают „с милостивым словом и о здоровье спрашивать“,⁷ он отправляется на Дон приводить к присяге царю Федору Алексеевичу ратных людей,⁸ на похоронах Алексея Михайловича он нес гроб царя,⁹ „дневал и ночевал“ у гроба его сына,¹⁰ участвовал в работах последнего Земского собора.¹¹ Наконец под старость, после 1688 года, он стал окольным.¹² За это время, с 1641 года под конец 80-х годов, С. С. Колтовской лишь один раз в течение трех лет (1676—1678 гг.) был городовым воеводой в Козлове, куда его назначили по собственному челобитью для поправления расстроившегося бюджета.¹³ Есть известие о назначении С. С. Колтовского валовым писцом Московского уезда в марте 1688 года.¹⁴ Таковы вкратце „службы“ С. С. Колтовского.

Документы рисуют С. С. Колтовского человеком своекорыстным, стяжателем, жаждущим власти, зверски жестоким с подчиненными.¹⁵ Одной из черт его характера была, очевидно, и строптивость, послужившая впоследствии поводом к разжалованию из окольных („государеву указу учинил непослушание многое и противность“¹⁶). Не

¹ ЦГАДА, Поместный приказ, Кашира, стлб. № 25503, ч. II (старый № 117), дело № 13, л. 143.

² Дворцовые разряды, т. III, стр. 172, 217, 230, 247, 256, 308, 507.

³ ЦГАДА, Поместный приказ, Кашира, стлб. № 25458, ч. II (старый № 69), дело № 18, л. 256.

⁴ Дворцовые разряды, т. III, дополнительный, стр. 256.

⁵ См.: М. Г. Спиридов. Записки о старинных службах русских благородных родов. Рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, шифр: F. IV. 61, ч. 7, стр. 279.

⁶ Дворцовые разряды, т. III, примеч. к столбцам 789—790.

⁷ Был послан в марте 1674 года к боярину кн. Г. Г. Ромодановскому и гетману И. Самойловичу. См.: Дворцовые разряды, т. III, стр. 939.

⁸ ЦГАДА, Поместный приказ, Кашира, стлб. № 25458, ч. II (старый № 69), дело № 18, л. 256.

⁹ Дворцовые разряды, т. III, ст. 1642.

¹⁰ См.: М. Г. Спиридов, ук. соч., та же стр.

¹¹ Январь—март 1684 года. ЦГАДА, Портфели Миллера, ф. 199, № 130, XII, тетр. 3, л. 49.

¹² Еще 13 марта 1688 года он упомянут стольником (ЦГАДА, Разрядный приказ, Московский стол, стлб. № 717, лл. 686—692).

¹³ ДАИ, т. IX, прибавления, стр. 229, ст. 1.

¹⁴ ЦГАДА, Разрядный приказ, Московский стол, стлб. № 717, лл. 691—692.

¹⁵ ЦГАДА, Разрядный приказ, Приказный стол, стлб. № 678, лл. 143—148. Также см.: ЦГАДА, Разрядный приказ, Белгородский стол, стлб. № 889, лл. 131 об., 139.

¹⁶ Дворцовые разряды, т. IV, ст. 613.

следует думать, однако, что С. С. Колтовской представлял собой какое-либо исключительное явление в среде русских феодалов. Он был типичным представителем своего класса и эпохи.

Старик С. С. Колтовской, прошедший всю жизнь вблизи царского двора, воспитанный в духе преклонения перед самодержцем, помнивший многочисленные земские соборы середины XVII века, значение патриарха в прошлом, отрицал новые веяния, которыми знаменовалось начало петровских преобразований. Озлобленный нанесенным ему в октябре 1691 года бесчестьем, он мог составить (а еще вероятнее, заказать) публицистическое произведение, в котором звал царя к прошлому.

Итак, палеографические наблюдения, с одной стороны, и собранный источниковедческий и биографический материал — с другой, приводят нас к одному и тому же автору фальсификации.

Если сопоставить замеченное нами выше усиление отрицательной характеристики личности Ивана IV во вставке по сравнению со Стоглавом с превращением отрицательной характеристики Грозным А. Адашева („батожник“ и пр.) в смягченную характеристику человека незнатного „от молодых людей“, то лишний раз проясняется политическое лицо автора вставки. Недаром в качестве своего политического идеала С. С. Колтовской избрал А. Адашева. А. Адашев — окольничий середины XVI века — рисовался С. С. Колтовскому как раз таким сотрудником царя, каким бы хотел стать сам опальный окольничий XVII века. Если первый не был последовательным сторонником централизаторской политики Ивана IV, то и последний не разделял абсолютистских стремлений молодого Петра I, который сам, по словам К. Маркса, „восхищался“ деятельностью Грозного.¹

Искусно сочиненный памфлет, однако, не стал достоянием широкой гласности в те времена, когда его скрытый смысл был хорошо понятен современникам. К тому же первое проявление неповиновения и строптивости со стороны С. С. Колтовского было вскоре прощено ему и он получил официальное прощение и восстановление в чине (январь 1692 года),² но не в положении! Характерно, что даже запись о возвращении „чести“ С. С. Колтовскому не была внесена в официальные разряды. Если признать высказываемую нами точку зрения правильной, то можно считать, что С. С. Колтовской сам как бы указал нам авторство подделки. Подделка помещена в Степенной книге среди событий 1546 года. В этом году Ивану IV было только 17 лет. Вставка же начинается со слов: „Егда же бысть в возрасте 20 году“ (л. 518 об.). Историки не придавали значения этому анахронизму, а между тем, если отвлечься от имени Ивана Грозного и целиком обратиться к событиям 80—90-х годов XVII века, все станет ясным. В 1691 году двадцатый год шел самому Петру I (родился 30 мая 1672 года) и в этом же году постигла опала С. С. Колтовского!

Таким образом, ряд собранных фактов позволяет нам считать авторство С. С. Колтовского вполне достоверным, а подделанную „речь“ Ивана Грозного на Лобном месте определить как своеобразное публицистическое произведение, составленное, вероятнее всего, в промежуток между октябрём 1691 года и январём 1692 года и направленное против дальнейшего укрепления абсолютизма.

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, Хронологические выписки, стр. 165.

² ЦГАДА, Разрядный приказ, Московский стол, стлб. № 950, л. 288.

Изучаемое произведение является одним из первых показателей растущего недовольства реакционной части феодалов — светских и духовных. За ним в недалеком времени последовало выступление Авраамия, созрел заговор Цыклера и Соковнина, затем разразилась борьба со сторонниками царевича Алексея. Разыскание в наших архивохранилищах новых публицистических произведений древнерусской литературы должно стать важной и увлекательной задачей советских исследователей — филологов, историков и архивистов.
